

Тройной полярный сюжет

Сборник произведений
О. Куваева, Ю. Казакова, Б. Горбатова

Paulsen 2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Т70

Текст публикуется по изданиям:

О. Куваев. Сочинения : в 3 т. Т. 1. Повести. – М. :

Престиж Бук, 2013. – 512 с., ил.

Ю. Казаков. Северный дневник. – М. : Советская Россия, 1973. – 371 с.

Б. Горбатов. Обыкновенная Арктика : Рассказы, публицистика. – М. :

Молодая гвардия, 1975. – 352 с.

Обложка, иллюстрации: Ситдикова Ирина Витальевна

Т70   Тройной полярный сюжет : сборник произведений О. Кувае-
ва, Ю. Казакова, Б. Горбатова / [обложка, иллюстрации И. В. Сит-
дикова] – Москва : Паулсен, 2024. – 384 с.

ISBN 978-5-98797-397-4

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-98797-397-4

© Куваев О. М., наследники, 2024
© Казаков Ю. П., наследники, 2024
© Горбатов Б. Л., наследники, 2024
© ООО «Паулсен», макет, 2024

Олег Куваев

**Тройной
полярный
сюжет**

Повесть

Фото из семейного архива Куваевых, публикуется впервые

Олег Михайлович Куваев
(1934–1975)

– I –

Упрямый капитан Росс

Катастрофа

На заснеженном горном склоне, который под мартовским солнцем был так ослепителен, что временами казался чёрным, шли горнолыжные соревнования. Фанерная доска с фамилиями участников, номерами и секундами против них извещала, что шёл третий и последний пункт горнолыжной программы – скоростной спуск.

Трасса была прорублена в соснах. Могучие горные сосны в торжественной зелени и бронзе стволов придавали происходящему почти ритуальный оттенок. Выше по склону сосны исчезали, и вдали, совсем уж торжественно чёткие, выступали снеговые вершины и пики.

Внизу была суета. Цветными пятнами разместились здесь кучки болельщиков: коричневых от солнца парней и девиц в невыносимой расцветки свитерах, невероятных фасонов тёмных очках, с горными лыжами, украшенными всей геральдикой мира, – околоспортивная публика.

И совсем одиноко на фоне горных вершин стоял при двух костылях и одной лыже, ибо другая нога была в гипсе, сожжённый солнцем до черноты сухопарый ас горнолыжников.

Далеко вверх, где трасса исчезала в поднебесье, показывалась облачной мошкой летящая вниз фигурка.

Сжимая костыли, ас смотрел на фигурку, бормотал с акцентом:
– Идош, да?

Фигурка исчезала на мгновение и вылетала из-за склона: поджатые руки и колени, шлем, тёмные очки и воздушный свист – человек уносился вниз, в расплывчатые цветные пятна.

Ас снова смотрел вверх, где следующий уже мчался в смертельную неизвестность и чего сегодня был лишён он, корифей скоростного спуска.

...На вершине горы, где был старт, уже не стояли торжественные сосны. Среди тёмных скал здесь посвистывала позёмка. Лыжники с номерами на груди и спине, их осталось немного, нервно разминались, ждали своей минуты. По чёткому интервалу стартов, по тому, что не было затяжек и перебоев, все знали, что пока никто ещё не «гремел», что, значит, трасса в порядке. Но... всякое может быть за три стремительные и бесконечно длинные минуты спуска.

– Номер сорок семь. Ивакин. РСФСР, – сказал в телефонную трубку помощник арбитра. В шубе, валенках, лохматой шапке выглядел он странно среди обожжённых высотным солнцем, затянутых в эластик парней.

Сашка Ивакин в это время говорил о чём-то с тренером, как и все кругом, демонстрируя беззаботность. Это ему почти удавалось, так как спорт ещё не успел огрубить мальчишескую мягкость его лица.

– После середины «плечо», за «плечом» – «пупок». – Тренер машинально присел, спружинил ногами.

– Знаю. Всё знаю, Никодимыч, – сказал Сашка.

Он нагнулся и одну за другой защёлкнул на ботинках сверкающие «лягушки». Вначале суеверно на правом, потом на левом. В щиколотках сразу возникла уверенная тяжесть, лыжи стали продолжением ног.

– Эй, Русь! – поторопил судья.

Сашка подмигнул тренеру. В тот же миг лицо как бы стянулось на жёстких пружинах, морщины легли в углах рта. Когда он выкатил к старту, было уже не лицо – рубленая топором маска. Сашка надвинул шлем, очки и преобразился ещё раз – не человек, механизм для смертельного испытания.

– Пшёл! – Судья сделал отмашку красным флажком.

Сашка толкнулся палками, ещё толкнулся, чтобы набрать скорость, сдвинул лыжи, согнул колесом спину, вынес руки с палками под подбородок, и стремительно засвистела трасса, мягко начали пофыркивать лыжи.

В бешеном вираже, окутавшись облаком снежной пыли, Сашка прошёл поворот трассы, но тут правая Сашкина лыжа на что-то

наткнулась, он сбился, выровнялся, и в это время резко исчез под ногами склон, и он с нелепо задранной лыжей так и летел в воздухе. Голова, шлем, лыжи, руки, снежная пыль – катился Сашка Ивакин по склону и наконец замер, врезавшись в могучий сосновый ствол.

Взвыла на дальней дороге сирена скорой помощи. Тревожно вздохнула и заговорила толпа разноцветных болельщиков.

Прокатилась к финишу одинокая лыжа, сорванная с ноги Сашки Ивакина, и толпа расступалась перед ней.

Ловко балансируя костылями, скатился к нему на одной лыже покалеченный ас.

– Друга, а? Живой, а? – Выпрямил спину и загадочно гаркнул вниз: – Тоббоган!

Какие-то бодрые юноши уже тащили алюминиевое корыто с красным крестом: санитарные нарты тоббоганского типа.

Разноцветная толпа облепила сосну, и метеором врезался в толпу примчавшийся сверху седоголовый тренер.

Сашка лежал у сосны. Ремень шлема лопнул под подбородком, шлем сбился набок, струйка крови текла по лицу.

Озабоченно протиснулся врач и открыл коробку со сверкающими инструментами.

Сашкин взгляд был бездумно светел, бездумно прост. И отражались в нём цветные пятна, сосны, горы и снег.

...Втыкая каблуки горных ботинок в склон, тренер сам спускал Сашку Ивакина. Шапку он где-то потерял, и солнце безжалостно высвечивало и седину, и рваный шрам поперёк лица, и мёртвый, безжизненный глаз. Живой тренерский глаз неотрывно смотрел на Сашку.

– Саш! Саша! – тихо позвал тренер. Но бездумен по-прежнему был взгляд Сашки Ивакина. Бездумен и прост.

Утверждают, что в критические минуты перед глазами человека проходит «вся его жизнь». Автор не встречал людей, сказавших бы «со мной это было». Но он встречал тех, которым в смертный миг приходили в голову посторонние мысли.

Взбаламученный мозг Сашки Ивакина занят был не горькими мыслями, не мог он осознать и своё положение. Перед его глазами, вроде бы как в кино,плыли цветные картинки давней мечты, вставали люди, которых он никогда не видел, но знал лучше многих, живущих рядом.